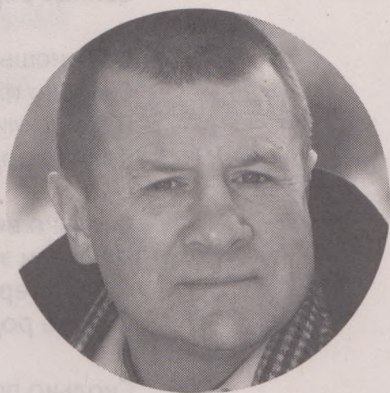

Валерий ГРИШКОВЕЦ

ОБЕРНЕШЬСЯ —
КИЛОМЕТРЫ,
КИЛОМЕТРЫ...

В стихах я писал именно себя. Не всегда и осознавая это. Потому
в данной подборке особенно хочется предстать СОБОЮ...

Трудно быть смелым, трудно быть честным,
Чтить память рода и веру нести
И, раздавая, жить неизвестным,
Совесь и правду свято блюсти.

Нет, не из тех я... И я — не из этих!
Грешен был в том-то. За то-то судим.
Так-то и прожил: вечно — в ответе,
Было — любил! Но вот был ли любим?..

Нет, не о том ты... Совсем про другое
Сердце под утро стучит и стучит...
Время такое — чуток бы покоя!..
Память, не надо, уймись, замолчи!

Вон уже солнце по окнам струится,
Ночь одиночества, как ты долга!..
Если при этом к тому же не спится...
Что ж, сборы скоры. И жизнь коротка.

Солнце родины за кладбищем садилось,
Солнце родины вставало за рекой...

А мир, он и нов, но и прежний:
Наш век — словно день, и день — словно год.
Ну что же, есть слово и дело.
Так делай же дело свое!
Да так, чтобы слово запело,
А там и судьба подпоет...

* * *

Душа моя — потемки, пустыня, холод, мрак.
Я сам себя не знаю, не вижу, что и как...
Ну, ладно, был бы молод: влюбленности, мечты,
Но было ль по-другому и был другим ли ты?..
Эх, стежки-перепутья, тропинки, большаки,
Ходил, как будто в путах, — лишь по воде круги...
И все же было что-то... И сам ты был другим —
Открытым, справедливым, веселым и шальным!
И жизнь была — дорога, широкий, ясный путь.
И, если кто с упреком, ты это не забудь...
И все бы ничего бы, да вечно, словно ржа,
Гордыня и упрямство терзают, жизнь круша.
Оглянешься — потемки. А жизнь, увы, прошла.
И ничего не вспомнить... А так хотел светла!..

* * *

Есть кто-то, кто лучше тебя.
Живет он, дружа и любя.
Но дело, конечно, не в этом,
А в том, что зимою и летом
Слывет, так сказать, человеком,
Идет в ногу с миром и веком.
Ты этому только не злись,
Все это и есть наша жизнь.

Есть кто-то, кто лучше тебя,
Прими сие должно, любя.

* * *

Извечная правда — дорога Христа,
Путь истины — крест и Голгофа!
И вроде все ясно, прозрачно-проста
Суть жизни: живи себе с Богом.

И вроде... Как будто... Но все же — увы,
Нет-нет и, скажите, откуда

Под знаком участия, дружбы, любви
Являются каин, иуда?

А там уж, хотим мы того, не хотим —
Черна нашей сути изнанка, —
ГУЛАГ и Освенцим, Катынь и Хатынь...
У беса без сбоев шарманка!..

И все же высок свет Христова креста —
Видна, присмотришь лишь, дорога!
Да, жизнь тяжела. И судьба не проста.
А проще была, что ль, у Бога?..

МОЛИТВА УХОДЯЩЕГО

Господи! И отметил Ты меня на веку:
Не обезьяна, а все бегу и бегу...
Я стучался, но слышали ли меня
Люди — не только начальство, но и родня?
Не гасил огня, да согрел ли кого-нибудь он?
Был не худшим, но битым — со всех сторон...
Все старался, но многим ли я помог?
А ведь мог, конечно же, мог...
Жаждал славы и денег — хоть ныне прости,
Да и были — не дай никому! — кривыми пути.
Я не в храм Твой, не в пустынь — согласие найти.
Да, любил. Да, страдал. Но, Всемиловитый, не из-за
тебя,
Да и нынче... Впрочем, это, видать, судьба...
Слава Богу, живу. Не в коросте и не в пыли,
Снизости мне прощенье Свое, снизошли.
Мои думы, как взгляд мой — загробный краше!
Ничего не нажил, разве то, что «наше»...
Все мечтал о равенстве, все терзался братством...
Грешен, Господи, но всегда бежал святотатства!
Ибо верен был Тебе и всегда — любил...
Дай надежду, что и Ты меня не забыл.

* * *

По первому снегу, по следу
Ушедших и канувших зим
Уйду, посмотрев напоследок,
Что я оставляю другим.

— Постой, уходить ты не в праве,
Ну как же на свете ты жил, —
Копья за собой не оставил,

Да что же ты делал?!

— Любил.

Оставил я ветер и колос.

И небо, и солнце-звезду;

И веры уверенный голос —

Отгонит хандру и беду.

— Да нет, уходить ты не в праве,

Каков молодец, он люби...

А что ты потомкам оставил?!

— Дорогу, которой ходил.

Я лес вам оставил, и поле,

И полные реки воды;

Надежду оставил и волю —

Спасут от хандры и беды.

По первому снегу, по свету,

Что утру оставила ночь,

Уйду, ну а белому свету

Я сына оставил и дочь.

* * *

Как прекрасно, когда тебя ждут!..

Счастлив тот, кому есть кого ждать...

Нет у времени дней и минут,

Оглянешься — себя не узнать.

Закричишь — потеряется крик,

Даже эхо уйдет стороной...

Эх ты, мальчик, печальный старик,

Скоро-скоро вернемся домой.

Через поле, за речку-исток,

Мимо старых берез и раkit.

Вон, рукою подать, уголок, —

А не мать ли у входа стоит?..

Что ж, смелей! И назад не смотреть!

Там сомненья, блуждания и страх.

Все. Недолго осталось терпеть.

Ночь взойдет и... рассеется мрак.